

как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хронится русский человек. Все дорожное, дворянство и недворянство, летит под песни ямщиков. У Черного моря безбородый, смуглый, с смолистыми усами казак, заряжая пищаль свою, поет старинную песню; а там, на другом конце, верхом на плывущей льдине, русский промышленник бьет острогой кита, затягивая песню. У нас ли не из чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Он счастливо умел слить в своем творении две славянские музыки; слышишь, где говорит русский и где поляк: у одного дышит раздольный мотив русской песни, у другого опрометчивый мотив польской мазурки.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

О НОВОЙ СЦЕНЕ В ОПЕРЕ „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“, соч. М. И. ГЛИНКИ

Где то блаженное время, когда, нам помнится, уверяли, что опера Глинки не для публики, что она недовольно народна... и что бишь еще? Да! что оркестр г-на Глинки написан слишком низко, что у него слишком скоры переходы из такта в такт, что русской народной музыки в опере быть не может, что гармония есть принадлежность природы, а мелодия — человека, что в этой опере мало жизни, потому что в ней много хоров и мало терцетов, и проч. и проч.¹ Все эти чудные выражения остались неразгаданною тайною для музыкального мира; а между тем опера г-на Глинки осталась на сцене, имела более двадцати представлений, и ее мотивы сделались принадлежностью всех классов публики. Теперь стало для всех понятным выражение, употребленное в одной статье об этой опере, что она новый шаг в искусстве, что с нею является новая русская стихия в оперной музыке²; теперь поняли и прекрасную мысль нашего композитора сделать из хоров не метроном, как в итальянских операх, но отдельное драматическое лицо, столь же интересное, как и все другие лица. Истинные любители нехладнокровно узнают, что г. Глинка прибавил новую сцену к своей опере, весьма счастливо приделанную. Все заметили, что для полноты драмы необходимо было бы слушателю узнать, прежде сцены Сусанина с поляками в последнем акте, что делалось с Ванею, посланным уведомить Михаила Федоровича об окружающей опасности? удалось ли Ване исполнить поручение Сусанина, и не обманывается ли Сусанин своею уверенностью в том, что с зарей все поиски поляков будут тщетны? В новом явлении, которое служит введением в последний акт, Ваня является на сцену усталый, истощенный; лошадь его пала на дороге; он подбегает к стенам жилища царева, стучится, но его не слышат, все погружено в глубокий сон, и голос Вани теряется в пустыне; Ваня в отчаянии, каждая минута дорога; он на пороге царского жилища и не может предупредить царя о намерении поляков; наконец царские прислужники пробуждаются; они принимают Ваню за обманщика, укоряют его, что он нарушает царский покой, и боятся впустить его; но наконец Ваня убеждает их, прислужники в тревоге вводят

того богатой красотами. Мы не хотим предупредить суда публики: более подробным рассмотрением сей сцены в ее музыкальном отношении: мы услышим ее в бенефис г-на Петрова, в конце нынешнего месяца³.

О. И. СЕНКОВСКИЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НОВОСТИ

В эту минуту главный предмет любопытства и разговоров в музыкальном свете—новая опера Глинки. Каждый спрашивает: «Что ж «Руслан и Людмила»? как выходит?.. в каком это роде?» И каждый надеется услышать отзыв, согласный с общим ожиданием или со своими страстями. Извольте, мы можем сказать, как выходит «Руслан и Людмила» и в каком это роде. На прошедшей неделе была первая оркестровая проба всей оперы у автора, «проба корректурная»¹. Оркестр состоял из небольшого числа артистов, но первых наших артистов, отличнейших исполнителей и лучших судей вместе; сам автор держал партию пения на фортепиано². В первый раз эту музыку услышали сами они в целом и в первый раз могли оценить ее надлежащим образом. Надобно знать, что такое эти «корректурные пробы»: обыкновенно, замечательнейшие оперы являются, при этих предварительных испытаниях, до того запутанными и темными, что, большею частью, сами исполнители не понимают с первого раза мысли композитора и должны мучительно добиваться до красот творения. Совсем противное вышло с новым произведением автора оперы «Жизнь за царя». С первого раза исполнители были так поражены необыкновенными красотами этого необыкновенного создания, эффект был такой непредвиденный, удивление так велико, что артисты, в энтузиазме, бросали инструменты, чтобы предаваться невольным восторгам. Нельзя описать впечатления, произведенного в них этим первым знакомством с «Русланом и Людмилой»: они не находили в музыкальной литературе ничего, с чем можно было бы сравнить эту чудесную, оригинальную, могущественную музыку, и восклицания их, конечно, были в состоянии удовлетворить самое взыскательное авторское самолюбие. Но тот ли еще будет эффект, когда «Руслан и Людмила» грянет с полным оркестром и хорошим пением. и когда русская публика с волшебною музыкаю Глинки услышит волшебные стихи Пушкина!.. потому что в либретто вошла почти вся его поэма.

Таким образом великое музыкальное и поэтическое празднество готовится для нас; родной гениальный композитор и родной гениальный поэт являются вместе: этого, помнится, еще не было в новейшей музыке.

Любителям музыкальных наслаждений приятно будет узнать в то же время, что деятельный и усердный «Одеон» издает эту оперу, переписанную для фортепиано, на две руки, и на четыре руки, с пением, и без пения, и что эти издания, изготовляемые под надзором самого автора, выйдут в свет в непродолжительном времени.